

Ирина Фалькон

КРУЖЕВО СУДЬБЫ

Ирина Фалькон
Кружево судьбы

«Издательские решения»

Фалькон И.

Кружево судьбы / И. Фалькон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602658-2

Арина с Ксенией и не подозревали, что случайная встреча в ресторане, приглашение таинственного незнакомца посетить Египет и последующие удивительные события на Острове напрямую связаны с далеким прошлым одной из подруг. Героиня второго рассказа — Анита — хозяйка «умного» дома в элитном коттеджном поселке, вполне состоявшаяся личность. Однажды, проходя мимо заброшенной сторожки, она видит в окне огонек свечи и входит внутрь... С тех пор чье-то незримое вмешательство меняет однообразную жизнь Аниты.

ISBN 978-5-00-602658-2

© Фалькон И.
© Издательские решения

Содержание

Слова благодарности	6
Часть 1. Египетская одиссея	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	27
Часть 2. Остров	28
Глава 1	29
Глава 2	31
Глава 3	32
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кружево судьбы

Ирина Фалькон

Редактор Степанова Саша

Редактор Гурова Галина

Корректор Саша Степанова

Дизайнер обложки Сергей Антонов

Иллюстратор Сергей Антонов

© Ирина Фалькон, 2023

© Сергей Антонов, дизайн обложки, 2023

© Сергей Антонов, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0060-2658-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова благодарности

Огромное спасибо Ивану Катаеву. Без его помощи, возможно, эта книга не увидела бы свет. Наташе Литвиненко и Володе Шаронову за то, что убедили меня решиться на этот шаг. Моей первой, самой верной и внимательной читательнице Даниэле Саркисян.

Всем, кто поддерживал добрым словом.

Имхотеп

Часть 1. Египетская одиссея

Глава 1

– Арина, умоляю, – трагическим голосом взывал к моему состраданию директор школы и по совместительству мой давний и хороший друг. – замени на «боевом посту» до конца июня. Потом в каникулы можешь не появляться. Срочно надо уехать. Вопрос жизни и смерти. Да ты и сама все знаешь. – Он безнадежно махнул рукой.

Я действительно была в курсе его запутанной личной жизни, и отказать не смогла. Пришлось сократить свой законный отпуск на две недели, и в первых числах июля мы все еще оставались в Москве. Время катастрофически поджимало. Пора было покупать билеты, бронировать отели, доставать с антресолей и собирать «саквояж путешественника», как я называла свой испытанный на прочность в многочисленных переездах и перелетах чемодан. Дело усложнялось тем, мы с Ксенией никак не могли выбрать маршрут.

В тот вечер мы сидели в нашем любимом индийском ресторане и мысленно водили указкой по карте мира. Душа требовала чего-то свеженького, яркого и неизведанного.

– Как ты думаешь, – спросила вдруг подруга и указала взглядом на соседний столик, – какой он национальности? Не могу понять.

Я обернулась и увидела элегантно одетого стройного мужчину. Мужчина расплачивался с официантом, собираясь уходить. Невысокий рост, черные с проседью волосы, узкий овал лица, большие темно-карие глаза на смуглом лице. Что-то необычное, но удивительно знакомое было в его облике. Мне показалось, что людей такого типа я уже встречала, но где и когда, вспомнить не могла, как ни старалась.

– Не знаю. – Я задумалась. – Но характеристику дала бы такую: благороден, великодушен и абсолютно надежен. Потрясающий мужчина! Где таких делают?

– Может, у него и спросим? Вдруг это нам «сверху» подсказывают, куда ехать?

Пока мы колебались и решали, насколько это удобно, наш таинственный незнакомец ушел. «Жаль, – корила я себя за излишнюю деликатность. Такой шанс упустили!»

К столику подошел официант.

– Вам просили передать.

С этими словами он протянул бежевый конверт, в центре которого стояла печать в виде двух красных скрещивающихся треугольников.

– Кто просил?

– Мужчина, что сидел недавно за тем столиком. Сказал отдать вам через пятнадцать минут после того, как уйдет.

В конверте лежал небольшой, размером с визитку, плотный листок бумаги. На нем было написано: «Египет. Приезжайте».

Я пришла в себя первой.

– А действительно, почему бы нам не махнуть в Египет? Летом там, конечно, жарковато, но в другое время я поехать не могу. Сама знаешь.

– Да я, в общем, не против. В конце концов, там не жарче, чем на Шри-Ланке или в Индии.

– Пирамиды, храмы, ибисы, боги и богини, путешествие по Нилу, – размечталась я.

– Боги и богини давно переселились в более спокойное место. Не выдержали наплыва туристов.

– Думаешь, они такие пугливые?

– Нет. Просто решили не связываться.

– Фараоны, – несло меня дальше.

– Об этом забудь. Только каменные, или в виде мумий. Помню, как мы племя Тода пытались отыскать в Голубых горах. Хотя ведь почти нашли.

- Насчет фараонов – согласна. Но мы можем встретить Имхотепа.
- Он еще живой? Сколько же ему лет?
- Где-то в районе пяти тысяч.
- Не староват?
- Маги не стареют!
- Ну да. Впрочем, и ты уже не девочка.
- Кстати, можем зайти в гости к Богине Сехмет. После этого необходимость в психоанализе, думаю, у тебя отпадет. Львица тебя в момент «вскроет».
- ... Через неделю наш самолет приземлился в Каире.

Глава 2

Двухчасовая пробежка по крупнейшему в мире хранилищу предметов древнеегипетского искусства – Каирскому музею, неудачная попытка медитации у пирамид – слишком много народу, вечерняя прогулка по городу, ужин на украшенном лампочками, как новогодняя елка, пароходе, медленно скользящем по водам легендарного Нила. Далее – ночным поездом до Луксора.

За несколько дней мы выполнили и даже слегка перевыполнили обязательную туристическую программу. Теперь по плану следовала вторая, наиболее ценимая и любимая нами часть каждой поездки. Два дня мы обивали пороги офисов турполиции в надежде получить разрешение на свободное перемещение по стране. Нам вежливо улыбались, произносили неизменное «no problem» и добавляли, что осталось всего лишь поставить еще одну печать и получить еще чью-то подпись, дабы не иметь проблем с дорожной полицией.

На третий день градус энтузиазма начал стремительно понижаться, а мы старались удерживать его с помощью египетской мусаки и импортного пива. Внезапно стоявший на тумбочке, как думалось, исключительно для интерьера, телефон ожил, и дежурный портюе сообщил, что нас спрашивает посетитель. Скорее, заинтригованные, чем удивленные, мы разрешили его пропустить.

Через несколько минут в дверь постучали. На пороге стоял интеллигентного вида молодой мужчина в джинсах и белой рубашке с короткими рукавами. Европейская одежда несколько диссонировала с его типично египетской внешностью. Черные, аккуратно собранные в хвост волосы, узкое лицо, смуглая кожа. Не вписывались в национальный портрет только глаза цвета чистого изумруда. И опять, как во время встречи в индийском ресторане, в сознании мелькнула чья-то тень. Я определенно не впервые увидела эти глаза. Но воспоминание, словно легкая струйка дыма, появилось и тут же исчезло.

– Добрый вечер. Это вам.

С этими словами мужчина протянул конверт с уже знакомой нам печатью в форме гексаграммы. Внутри лежала записка с коротким, мало что проясняющим текстом: «Добро пожаловать в нашу страну. Полностью доверьтесь Али. С этого момента он – ваш шофер, гид и ангел-хранитель. Уверен, вы останетесь довольны.

Никто не знает Египта лучше Али. С уважением».

Конверт содержал еще два листка бумаги, заполненные на арабском и английском языках. В английском варианте значилось что-то вроде: «Подателям сего разрешается беспрепятственно посетить любую точку Египта». Далее следовали фотография Али, копия его водительского удостоверения, номер машины и еще множество печатей и подписей.

– Али это, конечно, вы, – спрашивая и одновременно утверждая, проговорила Ксения, когда к ней вернулся дар речи. Ко мне он вернулся минутой позже.

Наш «ангел-хранитель» кивнул, слегка поклонился и улыбнулся.

– Когда вы желали бы выехать? Завтра, или еще побудете здесь?

– Завтра, – не сговариваясь, выпалили мы, частично придя в себя от изумления.

Так закончилась обыкновенная туристическая поездка, и началось удивительное и незабываемое путешествие.

Глава 3

Вернее, началось оно в тот же вечер, когда Али предложил сходить вместе с ним в Луксорской храм. Живя совсем рядом, мы уже обследовали его вдоль и поперек, но никогда не входили в главную святыню Древнего Египта поздно вечером.

Днем все там казалось ясным и понятным. Стены и потолок бывшего «Дома Бога» давно превратились в руины, и ничто не мешало щедрому африканскому солнцу высвечивать каждый уголок, как бы желая убедить особенно любопытных посетителей, что покрывала Исиды давно отброшены, и сакральных тайн, столь тщательно скрываемых когда-то от непосвященных, больше не существует. В святилищах, куда ранее допускались лишь жрецы высшего ранга в церемониальных белых одеждах, теперь бродили полуодетые – или полураздетые – изнашивающие от жары туристы, торопливо щелкая камерами и мечтая поскорее вернуться в свои прохладные номера отелей, где «все включено». В тени колоннады гипостильного зала, где во времена богов велась подготовка к ежегодным ритуалам, утомленные гиды равнодушными голосами пересказывали иностранным гражданам сведения доступные в любом путеводителе.

«Вы видите, – убеждал всех День, – Боги давно ушли отсюда, оставили лишь мертвое тело дома-храма. Искать здесь нечего. Так бессмертная душа человека в момент смерти покидает свой храм-тело».

Ночь говорила другое. В приглушенном свете луны, на фоне расшитого серебром тонкого черного бархата, храм выглядел не только живым, но и завораживающе таинственным.

«Яркое освещение, – подумалось, – воистину, не всегда способствует четкому видению. Иногда оно слепит».

Тем временем Али подошел к первому из многочисленных сфинксов, расположившихся на одноименной аллее, положил руку на его каменную голову, наклонился и что-то тихо произнес.

– По-моему, он с ним поздоровался, – предположила Ксения почти беззвучно.

– И попросил разрешения войти, – добавила я.

В этот самый момент и произошло чудо: из привычной уже какофонии ночных звуков выделились сначала отдельные «голосовые партии», а затем обозначились и слова. Как если бы вы неожиданно начали понимать человека, говорящего на неизвестном вам языке. Пальмы шептали: «Добро пожаловать», легкий ветерок, долетающий с реки, напутствовал: «Удачи!», белоснежные потомки ибисов, застывшие, словно изваяния, удивленно заметили: «Давненько к нам никто не приходил в поисках знаний». И посланники Тота одобрительно кивнули длинноклювыми головами. Строгие фараоны, охраняющие щель-ворота между пилонами, подтвердили: «Разрешено. Проходите». Даже предельно утомленные бессменным многовековым караулом сфинксы посоветовали: «Слушайте сердцем».

Пройдя между величественными пилонами – символической границей между человеческим и божественным мирами – мы вошли в первый внутренний двор.

... Через несколько десятков веков, лет и часов, когда мы снова оказались в мире людей, ночь уже вернула прежнее звучание. Но теперь мы точно знали, что, покидая родной дом, законные хозяева обязали своих менее требовательных «заместителей», которых не раздражали полуодетые – или полураздетые – туристы и равнодушные гиды, охранять дух храма и не позволить ему – храму – превратиться в груды мертвых камней. Но чтобы пообщаться с этим духом, необходимо договориться с «заместителями» и поговорить с охранниками у входа на их родном языке. А наш ангел-хранитель владел этим языком в совершенстве.

Заснуть в эту ночь нам не удалось. Мне не помогали виски, Ксюшке – снотворное. Тем не менее, рано утром, когда приехал Али, мы чувствовали себя великолепно. Предвкушение чего-то безумно интересного наполняло энергией, а чашечка ароматного кофе и стакан све-

жевыжатого сока закрепили ощущение бодрости. Первые лучи солнца застали нас в скромном придорожном кафе за легким завтраком. Ночная прохлада стремительно сдавала позиции, уступая место дневной изнуряющей жаре. Но жара не в силах помешать окунуться в прошлое столь знойной страны, как Египет. Солнце – ее визитная карточка.

Глава 4

Али оказался не просто отличным рассказчиком и блестящим знатоком древней истории Египта. То, что происходило во время его повествований, невозможно объяснить иначе, как колдовством или магией. Наш ангел-хранитель раздвигал время, словно кулисы на сцене исторического театра, и отправлял нас в далекое прошлое. События головокружительной давности становились реальностью, а мы – их свидетелями и участниками. Незримо пройдя обряд посвящения, затаив дыхание, следили мы за возглавляемым самим фараоном ритуальным новогодним шествием жрецов и иерофантов мистерий. Неспешно прогуливались по городу мастеров Сет-Маат, где босоногие мальчишки и девчонки, весело смеясь и играя, бегали по узким пыльным улочкам. Женщины в ожидании с работы своих мужчин хлопотали на кухне или обменивались новостями, сидя на каменных скамейках у домов. Вместе с греческими музыкантами мы встречали рассвет у подножия Колоссов Мемнона в надежде с первыми лучами солнца услышать их божественное пение и семь основных нот. Кстати, Колоссы очень скучают по гостям и сетуют на вопиющую безграмотность людей, периодически пытавшихся что-то отреставрировать и, тем самым, навсегда лишивших их неповторимого голоса. Нам удалось даже пробить брешь в холодной надменности царицы-фараона Хатшепсут и посплетничать о ее единокровном братце Тутмосе III, трон которого ей «посчастливилось» узурпировать.

Как протеже известного Мага, мы удостоились чести быть принятыми великой Клеопатрой. Назвать эту потрясающую женщину красивой было бы не совсем верно. По-настоящему царственной и неотразимой ее делали харизматичность, природное обаяние и незаурядный ум в сочетании с прекрасным образованием. Неудивительно, что такие блестящие мужчины, как Юлий Цезарь и Марк Антоний, готовы были бросить полмира к ее ногам.

Глава 5

Через две недели Али сообщил, что у него неожиданно появились дела в Каире и ему придется покинуть нас на несколько дней.

– Надеюсь, вы не будете против, – предложил он, – пожить это время в гостях у моих друзей. Не волнуйтесь, – добавил Али, глядя на наши растерянные лица. – Вы еще не захотите уезжать оттуда.

По дороге Али ввел нас в курс дела. По его словам, в стране существовала своего рода диаспора истинных египтян.

– Эти люди, – пояснил он, – и есть прямые потомки жителей древнего Египта, без примеси инородной крови.

Имея пусть даже поверхностное представление об истории Египта, наполненной бесконечными экспансиями различных рас и народов, в такое было трудно поверить, но для опровержения также не было достаточных оснований. Друзья Али, по его утверждению, принадлежали этой диаспоре, и возможность познакомиться с настоящими потомками древних египтян заставила на время замолчать мой врожденный скепсис.

– Хозяина зовут Амени, а его жену – Туяа. Два их сына-близнеца живут в Каире, но сейчас, узнав, что я пригласил не совсем обычных гостей, они приехали к родителям.

Вскоре мы свернули с главного шоссе на еле заметную песчаную колею и через пару километров остановились перед массивными, отделанными металлом воротами. Круглую каменную ограду полностью скрывала живая изгородь из пышно разросшихся бугенвиллий, олеандров и гибискусов всевозможных цветов и оттенков. Издалека они выглядели словно гигантский букет или оазис, непостижимым образом возникший среди нескончаемых песков.

Двери неожиданно легко и гостеприимно распахнулись. Все жители дома, включая огромного, диковинной масти кота с золотистой шерстью, уже собрались во дворе. Вокруг нас поднялась такая радостная сума тоха, что мы сразу почувствовали себя действительно желанными, а не навязанными гостями.

Архитектура дома, как и все в этом необыкновенном месте, резко отличалась от модных, похожих друг на друга современных вилл и особняков. Фундамент одноэтажного здания имел форму квадрата. Четыре входа были строго, как нам объяснили, ориентированы по сторонам света. Жилые комнаты и кухня располагались по периметру и имели выходы во внутренний дворик, обрамленный колоннами с капителями в виде распустившегося лотоса, что, естественно, отсылало к архитектуре древнего Египта. Вся композиция «оазиса» напомнила мне тибетскую мандалу с ее кругами, квадратами и четырьмя входами.

Войдя внутрь, мы оказались в некоем подобии филиала Каирского музея, устроенном в жилом помещении. Как ни странно, хозяевам удалось удивительным образом гармонично сочетать, казалось бы, абсолютно несочетаемое. Не возникало ни малейшего ощущения диссонанса в этой невероятной эклектике. Артефакты Древнего Египта не только прекрасно чувствовали себя в современном интерьере, но и добавляли свой, особый колорит в каждую комнату. Красочные папирусы и палетки, изящные статуэтки, разнообразные коробочки с украшениями и изумительные вазы непринужденно расположились в большой гостиной, придавая ей неповторимый шарм.

Во внутреннем дворике вальяжно улегся младший брат всемирно известного сфинкса – по счастью, в отличие от своего старшего брата, ему удалось избежать последствий чудовищного вандализма. Стены маленькой гостиной украшали фаюмские портреты, деликатно напоминая о неизбежном конце земного бытия и заставляя задуматься о вечном.

– Может, это предки хозяев, – предположила Ксения.

– Может, – согласилась я, но, чтобы избежать вероятного разочарования, уточнить не стала.

Исключение составляла оборудованная по последнему слову техники кухня. Там выставленные на отдельной полке образцы глиняной посуды и правда смотрелись музейными экспонатами.

Братья так увлеченно и со знанием дела – оба были художниками – рассказывали о том, как создавались фаюмские шедевры, что Ксения загорелась желанием освоить этот архаичный способ живописи, называемый экаустика. Писались портреты расплавленными восковыми красками с использованием не только кистей, но и лопаточек и даже резцов. Исправления были практически невозможны. Работа выполнялась чаще всего на дереве, реже на ткани.

Короче, с этого момента подругу я потеряла. Все дни, а может, и ночи – спальни у нас были разные – она проводила в мастерской братьев, где упорно пыталась овладеть экзотичной техникой. Я же с помощью Амени старательно изучала древние иероглифы, а в перерывах помогала на кухне шеф-повару Туйе, где постигала кулинарные секреты египетской кухни. Встречались мы с Ксенией исключительно за столом: вместе со все ми с аппетитом уничтожали те самые секреты.

Время летело досадно быстро – уезжать категорически не хотелось. Но все когда-нибудь заканчивается, и вот мы уже сидим во внутреннем дворике, ожидая приезда Али и успокаивая себя тем, что впереди нас наверняка ждут не менее увлекательные события.

Просигналила машина, и Амени пошел открывать ворота. Вскоре во дворик вошли трое мужчин: Али, хозяин дома и... таинственный незнакомец из индийского ресторана!

– Вахид, – представился новый гость. – Надеюсь, вы не разочарованы поездкой? Али не обижает?

Определенно риторические вопросы сопровождались веселым смехом и обаятельнейшей улыбкой.

– Уверен, здесь вам скучать не давали.

Поток теплых слов нашей искренней благодарности не иссякал так долго, что хозяйский золотистый кот зажмурился от удовольствия и замурлыкал в ответ. За воротами уже нетерпеливо ворчал мотор – «колесница судьбы» рвалась вперед.

– Вас, наверное, интересует Вахид, – предвосхитил наш вопрос Али. – Я мало, что могу рассказать о его жизни, хотя знаком с ним уже много лет. Имхотеп – это его второе имя – настоящий маг: ему известно прошлое, доступно будущее и подвластно настоящее. Он неожиданно пропадает и так же неожиданно появляется. Утверждают, что, бывало, его видели одновременно в нескольких местах. К тому же, Вахид – великой души человек. Уверяю вас, это не преувеличение: скольких отчаявшихся людей он вернул к жизни, спас от беды и даже от смерти. А еще он прекрасный врач, великолепный художник и талантливый архитектор. Кстати, дом Амени построен по его проекту. Я вообще не уверен, есть ли на свете что-то, чего не знает или не умеет Вахид.

– Как же нам повезло случайно оказаться вместе в ресторане, – сказала я.

– Встретить Имхотепа случайно невозможно, – заметил Али.

Глава 6

Ангел-хранитель остался верен себе: наше путешествие походило на медленно разворачивающийся свиток, постепенно раскрывающий замысел его автора.

За три дня до отъезда мы остановились на ночлег в небольшом городке, растянувшемся вдоль восточного берега Нила далеко в стороне от туристических троп и дорог. Здесь не было даже самой скромной гостиницы, и один из многочисленных друзей Али уступил нам свое жилище, а сам на время куда-то съехал. Прибыли мы довольно поздно. Уличные фонари выполняли свою работу чисто формально, Богиня Луна задерживалась, так что тьма вокруг стояла воистину египетская. Тем не менее, побросав чемоданы и приготовив на скорую руку легкий ужин, мы вооружились фонариками, вышли за ворота... и замерли.

Неразличимый ранее на темном полотне ночи песчаный берег реки окрасился в бледно-палевый цвет. Попадая на текстуру воды, цвет распадался на искристые золотые блики и исчезал где-то в глубине, яркая световая дорожка вела на противоположный берег и заканчивалась у серебристо-серых стен небольшого храма. Последний, почти неуловимый для глаза мазок кисти покрывал всю композицию тончайшей сиреневой вуалью. Хозяйка ночи Луна и ее неизменные спутницы-звезды сверху любовались своим творением.

– Мы туда пойдем? – спросила я тихим шепотом, боясь спугнуть очарование.

– Обязательно. Завтра утром. А сейчас пора спать.

Голос Али звучал необычно. Да и выглядел он так, будто увидел призрак. Али провел рукой по лицу, словно пытаясь избавиться от наваждения, молча повернулся и пошел к дому.

Утро началось как обычно. Запах свежесваренного кофе намекал, что пора вставать, и мы не заставили себя ждать. Али где-то раздобыл – а скорее всего, материализовал из воздуха, – небольшой катер, и в тот момент, когда все живое только пробуждалось, чтобы торжественно встретить первые лучи солнца, мы уже высадились на противоположном берегу и входили во внутренний двор храма.

Время отнеслось к этому Дому Бога на удивление милосердно. Стены, колонны, статуи великолепно сохранились, краски не утратили сочности. Мы не торопясь бродили вдоль портика и рассматривали фрески. Али помогал мне читать надписи. Картины не только увековечивали великие деяния и доблестные победы могущественных фараонов, но и рассказывали о буднях простого народа.

Перед входом в гипостильный зал я неожиданно для всех, включая себя, повернула направо.

– Здесь должна быть дверь, а за ней небольшой сад.

– Откуда ты?.. – недоверчиво начала, но не успела закончить Ксения: в стене чернел узкий проем.

Миновав коридор, мы оказались в небольшом дворике. Сейчас, заваленный камнями и мусором, он выглядел довольно плачевно, но когда-то вполне мог быть садом.

– У тебя открылось ясновидение, – авторитетно предположила Ксения, а Али внимательно на меня посмотрел, но промолчал.

Вернувшись тем же путем, мы продолжили экскурсию и больше случая с ясновидением не обсуждали. Храм выглядел настолько действующим и живым, что входить в святилище и алтарную комнату нам, непосвященным, казалось святотатством. Но мы решились. Лучи солнца через специальные отверстия в потолке проникали внутрь и освещали изображения богов, чьи небесные лики осуждающе взирали на незваных гостей, недоумевая, кто это осмелился нарушить строгий закон и потревожить их покой. Наказание последовало незамедлительно: у меня закружилась голова, в глазах потемнело, и я, несомненно, припала бы к ногам

суровых небожителей, если бы Али не подхватил меня на руки – что было весьма тяжеловато даже для ангела – и не вынес из комнаты. За предела-

ми сакрального пространства я быстро пришла в себя и без помощи дошла до внутреннего двора храма.

Солнце уже палило вовсю, и долго находиться в открытом помещении было небезопасно. Возвращаться же домой не хотелось.

– Я посижу немного в той беседке, а вы еще внутри походите.

– В какой беседке? – теперь уже всерьез заволновалась Ксения. – Мы не видели никакой беседки.

– Как это не видели? Где же вы были? – Я показала рукой налево, в дальний угол двора. – Там на потолке Богиня Нут изображена и синее небо со звездами.

Ксения многозначительно посмотрела на Али, будто призывая его в свидетели моего явного помешательства, но наш друг, обычно такой разговорчивый и отзывчивый, отстраненно и безучастно смотрел вдаль.

– У кого-то солнечный удар, – произнесла Ксения. – Остается только выяснить, у кого. Не видели мы никакой беседки. Я уверена.

Али наконец вышел из оцепенения, взял нас обеих за руки и как детей повел в указанном мной направлении. Там действительно была беседка. Искусно вырезанные из камня и покрытые иероглифами стены доходили до середины постройки. Верхняя часть оставалась открытой, не считая нескольких колонн в виде свернувшихся кольцами змей. Колонны поддерживали расписанный, как я и утверждала, потолок в виде купола. Беседка казалась легкой и филигранно ажурной. В стены по всему периметру были встроены скамейки.

– Отдохни, – сказал мне Али и повел онемевшую

Ксению обратно внутрь храма.

Я легла на одну из кружевных скамеек, пытаюсь остановить бесконечный и сумбурный поток мыслей. Трудно определить, сколько прошло времени, но внезапно расписной потолок закружился, превратился в бездонное темно-синее небо, звезды заискрились, а склонившаяся надо мной Богиня открыла лучистые глаза. Сознание стало меркнуть, и я провалилась в черное никуда.

Глава 7

Видимо, я задремал, так как очнулся от того, что кто-то решительно тряс меня за плечи.
– Хепи, Хепи, просыпайся. – Слова доносились издали и глухо, как из колодца. – Учитель просил тебя зайти.

Я постепенно выпутался из сетей забытья, сел и лишь тогда окончательно проснулся. Конечно, это был Али – мой верный, замечательный друг.

– Так и знал, что ты здесь, в своей любимой беседке, соня. Приведи себя в порядок. Набу просил найти тебя.

– Подожди, не уходи. Мне сейчас приснился очень странный сон. Хочу тебе рассказать. К снам мы привыкли относиться серьезно, поэтому Али сразу остановился и сел рядом.

– Рассказывай.

А сон был такой.

– В большой металлической птице я прилетаю в Египет. Вернее, я точно знаю, что это Египет, хотя вокруг все незнакомое, чужое и непонятное.

– Может, это не Египет?

Я на секунду задумался.

– Нет. Именно Египет, но... – Я опять замолчал.

– Ну же, продолжай, – торопил меня Али.

– Храмы разрушены, святилища пусты, гробницы вскрыты и разграблены, среди руин бродят какие-то люди, залезают на пирамиды, заходят внутрь.

Я чуть не плакал, а мой друг побледнел так, что даже его темная, почти черная кожа, унаследованная от матери-нубийки, не смогла этого скрыть.

– Ты обязательно должен рассказать все Учителю. Обязательно, – повторил он несколько раз.

– Да, и еще. Даже не знаю, как сказать. В этом сне я был светлокожей женщиной.

Али рассмеялся:

– Ерунда. Чего только во снах не происходит! Я вот как-то превратился в шакала и присутствовал при бальзамировании. Вот это, скажу тебе, действительно жутко.

Он встал и, сверкнув изумрудно-зелеными глазами – щедрым подарком неизвестного предка – махнул рукой и побежал в сторону мастерской. Я смотрел ему вслед и не мог заставить себя подняться. Был ли тому причиной страшный сон или нет, но сердце сжималось от предчувствия неотвратимой беды. Почему-то я был уверен, что сегодня спокойное, неспешное течение моей жизни должно закончиться, но как ни старался заглянуть в будущее – иногда это удавалось – ничего не получалось. Картины появлялись нечеткие, как в тумане, и сменяли друг друга с огромной скоростью. Память упорно возвращала в прошлое...

Я, родители, бабушка и четверо моих братьев жили в небольшом селении, растянувшимся вдоль восточного берега Нила. Отец владел торговой лавкой, и жили мы хотя и небогато, но и не бедствовали. Мне исполнилось пять лет, когда ранним весенним утром к нашему берегу причалила скромная ладья, и жрецы из расположенного на противоположном берегу храма направились в деревню. Цель их прибытия была хорошо известна: они выбирали одаренных детей и, если родители были не против, увозили с собой.

Те, кому суждено было стать жрецами, учились и жили при храме, остальные получали образование в «Доме Жизни» при дворце фараона. Они возвращались в свои деревни и города учителями, строителями, врачами, архитекторам, чиновниками. Во мне разглядели незаурядные способности к врачеванию и магии, что, впрочем, неотделимо друг от друга. Так я и еще трое мальчиков из нашей и соседней деревень начали обучение в храме. В их числе был и Али,

который стал моим лучшим другом. Со временем в Али проснулась страсть к живописи, и все свободное от занятий время он проводил в мастерской.

С тех пор прошло двенадцать лет. Теперь мы жрецы первого ранга. А сейчас меня просит зайти к себе Набу – Верховный Жрец храма. В самой этой просьбе не было ничего из ряда вон выходящего, настораживающего или особенного. Наш Учитель никогда не отличался напыщенной кичливостью и непомерным высокомерием, чем славились многие жрецы его ранга, и нарушение так называемой субординации нисколько его не смущало. Несмотря на огромную занятость, он всегда находил время поговорить с учениками. Живо интересовался нашей жизнью и учебой, давал советы, хвалил и сурово отчитывал, когда считал необходимым. Частенько подобные беседы проходили в его личных покоях, куда мы всегда бежали с огромной радостью. Но сейчас нехорошее предчувствие не отпускало, и я сознательно тянул время, надеясь на перемену в настроении. Долго заставляя себя ждать было абсолютно недопустимо. Я встал, пересек открытый двор, дойдя до гипостильного зала, повернул направо, к внешней стене, и вошел в узкую дверь, встроенную и расписанную с таким мастерством, что казалась фрагментом одной из многочисленных ярких фресок. За дверью – небольшой коридор, противоположный конец которого прикрывала плотная, сплетенная из тростника штора. Собственно, это и был вход в скромное жилище Верховного Жреца. Набу был настолько непритворлив в быту, что о его неприязнительности и равнодушии к каким бы то ни было земным радостям и материальным благам ходили легенды даже за пределами нашего храма. Пожалуй, единственным исключением был сад во внутренних покоях Учителя. Относительно небольшой по размеру, в богатстве, красоте, изысканности и разнообразию необычных цветов и кустарников этот дворик вполне мог соперничать с легендарными садами во дворце фараона. Из-под земли между выложенными бирюзовыми плитками дорожками то тут, то там били изящно оформленные фонтанчики, увлажняя почву и принося приятную прохладу. По ночам приглушенный свет луны и тихое журчание воды придавали саду особое очарование и таинственность. Вокруг этой живой мозаики располагались спальня, комната для приема гостей, кухня и ванная комната.

Здесь царствовал Ману – огромный негр-нубиец с седыми, коротко подстриженными жесткими курчавыми волосами, мясистыми губами, широковатым носом и небольшими, но выразительными и внимательными глазами. На первый взгляд он производил впечатление представителя одного из диких племен, обитающих в горных районах Нубии, хотя впечатление было обманчивым: Ману говорил на нескольких языках, неплохо разбирался в инженерии – фонтаны в саду были его изобретением – собирал лечебные травы и готовил из них настойки и мази с добавлением змеиного яда, и вообще знал поразительно много. Для Набу он был другом, слугой, поваром, садовником, личным врачом и охранником. Спал Ману на циновке у порога спальни Учителя, зорко следил за его режимом и питанием и буквально свирепел, если кто-то осмеливался помешать отдыху Набу. По моим наблюдениям, Верховный Жрец сам немного робел перед своим телохранителем и старался по возможности ему не перечить.

Историю их отношений никто толком не знал. Поговаривали, что во время войны Египта с Нубией у Ману погибла вся семья, а самого его, смертельно раненого, спас и вывел Набу. Правда это или нет – неизвестно.

Глава 8

Откинув тяжелый тростниковый полог, я вошел в сад. Учитель сидел на скамейке в тени невысокого деревца, сплошь усыпанного мелкими цветами от пурпурных и алых до бледно-лиловых и нежно-розовых. Маленького роста, хрупкий, с бледной кожей и глубоко посаженными серыми глазами, Набу казался жителем другой планеты. Но за невыразительной внешностью скрывалась огромная жизненная сила, негибкая воля и непостижимая мудрость. Его уважали и побаивались жрецы основных храмов Египта, и даже сам фараон приезжал просить совета в трудные для страны времена. Я собирался, как обычно, опуститься на циновку у ног Учителя, но Набу повел меня в комнату и попросил Ману принести сласти и фрукты. Очевидно, владевшая мной тревога была не напрасной, и разговор предстоял долгий и серьезный.

– Ты прав, – ответил Учитель, при желании легко считывающий чужие мысли. – Наши Великие Посвященные, – начал он, как всегда, без лишнего предисловия, – увидели, что, несмотря на кажущееся благополучие, «солнце» Египта уже сместилось в сторону от точки зенита и медленно, но неумолимо катится к закату. Недалеко то время, когда наша цивилизация навсегда исчезнет с лица Земли. Нельзя допустить, чтобы вместе с ней исчезли и накопленные за тысячелетия сакральные знания, тщательно скрываемые от посторонних и недобрых глаз.

Чем дальше перелистывал Учитель страницы книги будущего, тем менее реальной казалась мне эта задача. Расцвет и гибель великих империй, опустошительные войны и кровавые религиозные бойни, жуткая тьма Средневековья, Возрождение и эпоха Просвещения, революции и... Я почти терял сознание от ужаса и не понимал, кому и зачем понадобятся наши знания. «Почему он все это рассказывает? – недоумевал я. – Трудно поверить, что мне найдется роль в столь грандиозном сценарии».

– Найдется, – отбросил Набу мои сомнения.

– Не забывай, что все услышанное – это и твое будущее тоже. Тебе предстоит жить в нем, так же как ты жил и в эпохах, предшествующих нашему времени. Все, что ты узнал за годы, проведенные в храме, а так-же то, что еще суждено узнать, навсегда сохранится в твоей памяти. Таким образом, мы всегда будем рядом: поможем избежать жизненных ошибок и не повторять уже совершенных, бороться с недостатками и не растерять достоинства, постичь законы добра и зла, научим в любых ситуациях выделить главное и отбросить несущественное. Тебе предстоит испытать все оттенки человеческих отношений от жгучей ненависти и зависти до восхищения, научиться прощать первое и равнодушно относиться к последнему. Вы с Али получили посвящение – отныне одиночество станет неизбежным спутником всех ваших воплощений. Это тяжелая и порой почти невыносимая ноша, – голос Учителя слегка дрогнул, – необходима на пути духовного развития. Хотя Али будет легче.

– Почему?

– У тебя с твоим другом разные психотипы, и дороги вам суждено пройти разные. Али, за небольшим исключением, будет всегда связан с Египтом и вместе с такими же посланниками постарается не допустить, чтобы наши боги окончательно покинули эту землю. Тебе же, с твоим более беспокойным характером и склонностью к переменам, – Учитель улыбнулся, – придется менять не только страны, но и континенты. В свое время тебе напомнят о нас, и ты начнешь вспоминать. От волнения мне стало трудно дышать, и мы вышли в сад. Закатное солнце беспечно перемешивало цвета божественной палитры, создавая на небосводе яркие, необычные сочетания и причудливые образы. Прозрачная тишина, нарушаемая лишь убаюкивающим журчанием воды, дурманящий аромат цветов и освежающая ночная прохлада – все дышало таким миром и покоем, что вскоре тревога и беспокойство исчезли, уступив место чувству, больше похожему на любопытство. Мы вернулись в комнату, где стараниями предан-

ного Ману нас уже ждал ужин. Стол, к моему удивлению, был сервирован на троих, но вопрос повис в воздухе, так как в этот момент в комнату вошел мужчина. В противоположность Набу, не возникало ни малейшего сомнения, что передо мной уроженец Египта: узкое удлиненное лицо, черные с проседью волосы, смуглая кожа и большие темно-карие глаза.

– Ты как всегда точен, Имхотеп, – с радостной улыбкой произнес Учитель.

Я приветствовал гостя, как и полагается, прижав руки к груди в знак уважения.

– А ты, видимо, Хеги. – Вопрос звучал как утверждение и ответа не требовал. – Давай знакомиться. Меня зовут Рахотеп, а Имхотеп – родовое имя, – пояснил незнакомец, увидев мое удивленное лицо.

– Не будем испытывать терпение Ману, – вмешался Набу. – Он наверняка приготовил что-нибудь особенное и ждет не дожидается отзыва от высочайшего знатока кулинарии. Всем известно, что Имхотеп старается не отказывать себе в земных радостях и считает чревоугодие, скорее, достоинством, чем недостатком.

Рахотеп весело рассмеялся и с нескрываемым удовольствием направился к столу. Предчувствие неотвратимого и решающего жизненного поворота снова заставило мое сердце биться чаще, лишало аппетита; многочисленные вопросы так и норовили вырваться наружу. Но Учитель не допускал за едой серьезных разговоров, считая, что это мешает пищеварению. Терпение никогда не входило в число моих добродетелей, и вынужденное ожидание причиняло почти физическое неудобство. Гость же ел настолько «вкусно», обстоятельно, смакуя и громко нахваливая каждое блюдо, – Ману наверняка стоял за дверью и прислушивался, – что мой желудок не выдержал и настоятельно потребовал свою порцию. В конце концов, я решил, что поворот в судьбе еще не повод отказывать ему в этой, вполне законной просьбе.

Пока сияющий от похвал и тщетно пытавшийся надеть на себя маску безразличия Ману прибирал в комнате, мы вышли на воздух.

– Завтра на рассвете, мой мальчик, ты покинешь наш храм, покинешь навсегда. С этого момента Имхотеп станет твоим Учителем.

Привычка Верховного Жреца начинать разговор с главного, минуя всяческие вступления, была хорошо известна, но в тот момент и без того натянутые до предела нервы не выдержали, и я... заплакал. Мне было стыдно, очень стыдно, но справиться с собой не получалось. Я не плакал даже двенадцать лет назад, когда меня, пятилетнего, увозили из семьи. «Мужчины не плачут», – убеждал я себя тогда, и лишь несколькими слезинкам удалось стать виновниками моего позора. Но теперь...

«Завтра, на рассвете, навсегда» – слова кружились и вибрировали, их шептали звезды и разносил ветер, ими журчала вода и пахли цветы. Мои мудрые Наставники незаметно исчезли, не проронив ни слова, за что я им был очень благодарен. Постепенно ливневые потоки слез иссякли, оставив на месте черной тучи, овладевшей на время моим сознанием, небольшое серое

облачко. Ополоснув лицо и окончательно успокоив шись, я нерешительно и смущенно вошел в комнату для гостей. Набу и Рахотеп о чем-то увлеченно беседовали, рассматривая лежащие на столе картинки.

– Где ты бродишь, Хеги?

Лицо Учителя осветилось доброй улыбкой, а в глазах зажегся незнакомый лукавый огонек. Мудрый Верховный Жрец сейчас был похож на ребенка, наконец получившего долгожданный подарок.

– Посмотри, какая чудесная работа, – сказал он и, видя, что я все еще сконфужен и растерян, буквально подтолкнул к столу, где, аккуратно выложенные в три ряда, лежали до блеска отполированные дощечки с нарисованными на них картинками.

...Почти год прошел с того дня, когда Учитель взял меня с собой в храм Амона, где у него была назначена важная встреча. Ожидая, я бродил по храму, любовался непревзойденной красотой росписей и совершенством высеченных из камня статуй, заглядывал в каждый доступный непосвященному уголок и неожиданно оказался в длинной галерее, стены которой с обеих сторон были покрыты фресками с загадочными персонажами и символами. Зачарованный, переходил я от картины к картине, и замирал, тщетно пытаюсь проникнуть в их тайный смысл. Здесь после длительных поисков и нашел меня обеспокоенный Набу. Всю дорогу домой

я расспрашивал Учителя о таинственной галерее, но он предельно серьезно дал понять, что факт моего появления в этом зале есть результат чьей-то непростительной халатности и что виновные будут сурово наказаны, а меня весьма убедительно попросил никогда об этом происшествии не вспоминать. Но вычеркнуть из памяти необычные изображения было выше моих сил; я чертил их на песке, набрасывал тушью на ткани, рисовал на папирусе; они приходили во сне, молча садились вокруг меня, недоступные и манящие, как небесные светила...

И вот теперь передо мной, как ни в чем не бывало, лежали эти запрещенные ранее картинки, а Набу восхищенно их демонстрировал. Жадно рассматривал я так часто воспроизводимые по памяти фигуры и не мог поверить своим глазам. Рахотеп аккуратно собрал дощечки – их было двадцать две – положил в кожаный футляр с выбитой на крышке печатью в виде двух перекрещивающихся треугольников и протянул мне.

– Возьми. Они твои. Эти изображения носят название «Книга Сфинкса» или «Откровения Сфинкса». Картины в символической форме содержат все переданные богами знания – все то, что мы, смертные, способны постичь. До последнего времени, – продолжил объяснение Набу, – «Книгу Сфинкса» можно было увидеть только в галерее, куда ты до сих пор невыясненным, чудесным образом попал год назад, и еще в одном храме. Теперь же, в связи с тем, о чем мы говорили до прихода Имхотепа, решено использовать карты Таро – так их еще называют – как один из способов сохранения и передачи этих знаний будущим поколениям. Мы придадим им вид игральных карт и «выпустим на свободу». Конечно, с течением времени колоды претерпят множество изменений, сохранив, тем не менее, основной смысл и символы. Наступит момент, когда подготовленные люди, не без нашей помощи, всерьез задумаются об их истинных значениях.

– А они узнают, что это послание из Египта? – тихо спросил я дрожащим голосом.

– Нет. Отголоски чьих-то воспоминаний, обрывки старинных рукописей, дополненные изрядной порцией фантазий – не те документы, которые обычно принимают на веру. Но это неважно. Главное, чтобы помощь оказалась действенной, и будущие искатели божественных истин смогли распознать ключи, способные открыть запечатанные двери. Хотя... – Учитель с сомнением покачал головой. – Боюсь, что со временем таких искателей, уверенных в существовании подобных дверей, останется ничтожно мало; большинство сочтут их поиски ничемной ерундой и глупым суеверием. Когда-то многие Адепты Атлантиды, предвидя конец своей цивилизации, покинули гибнущий континент, чтобы передать свет знаний и не дать ему погаснуть окончательно. Теперь пришла наша очередь. Сейчас мы делаем только первые шаги в подготовке к великой миссии – вспахиваем почву и собираем семена для будущих всходов. Постепенно ты о многом узнаешь. Завтра на рассвете вы с Рахотепом покинете храм. Место, где будет продолжаться твое обучение, держится в строжайшей тайне – оно неизвестно даже мне. Могущественные, обладающие огромной силой враги пытаются разрушить наши планы и не допустить их осуществления.

– Почему? – не удержался я.

– И на этот вопрос ты тоже получишь ответ в свое время.

«Али должен обязательно увидеть эти необыкновенные карты», – промелькнула мысль и тут же была поймана моим новым Наставником.

– Сожалею, но это невозможно.

Слова, произнесенные спокойно и даже ласково, отозвались внутри жгучей болью.

– Твои уроки, Хепи, – продолжал Имхотеп, – начинаются с этой минуты. Я знаю, ты очень привязан к Али. Именно поэтому вы не увидите. Одна из твоих первостепенных задач – стать независимым. Независимым как от людей, так и от материальных ценностей. Чрезмерная привязанность к людям мешает двигаться вперед и часто тормозит наше развитие, а страх потерять достигнутое благосостояние парализует волю окончательно. Человек превращается в живую мумию, свобода которой ограничена пространством ее саркофага.

– Я знаю, мой мальчик, у тебя все получится. Ты сильный.

С этими словами Великий Мудрец, Маг, Верховный Жрец и Учитель Набу в первый и последний раз меня обнял. На прощание...

Глава 9

Я, видимо, задремала, так как очнулась от того, что кто-то осторожно тряс меня за плечи.

– Ариш, просыпайся.

Слова доносились издали и глухо, как из колодца. – Пора уходить. Уже очень жарко.

Я постепенно выпуталась из сетей забывтья, села и окончательно проснулась. Конечно, это была Ксения – моя подруга и незаменимая спутница во всех путешествиях.

– Подожди. Мне приснился удивительный сон. Я тебе сейчас расскажу, чтобы не забыть подробности.

К снам мы относились серьезно, поэтому Ксения сразу села рядом.

– Рассказывай.

А сон был такой... Вскоре подошел Али.

– Послушай, – сказала подруга, – какой потрясающий сон. Похоже, ты тоже там присутствовал.

Али внимательно все выслушал, встал и, не произнеся ни слова, направился в сторону, где когда-то находилась мастерская художников. Немного поколебавшись, мы пошли следом и застали его сидящим на корточках среди пыли и груды камней. В помещении было довольно темно, и Али рассматривал сохранившиеся фрески при свете ручного фонарика. Луч скользил по стенам, выхватывая фрагменты картин и вдруг резко остановился. В ярко-желтом круге мы увидели юношу, сидящего на полу со скрещенными ногами с папирусом на коленях и кисточкой в руках. Его сосредоточенное и отстраненное выражение лица не оставляло сомнений в том, что мастер полностью вовлечен в свою работу. От своих собратьев молодой художник отличался очень темной, почти черной кожей и изумрудно-зелеными глазами...

...Через три дня наш самолет приземлился в Москве.

А еще через три недели, когда мы с Ксюшкой сидели в нашем любимом индийском ресторане и предавались воспоминаниям, к нам подошла девушка-администратор и, извинившись за опоздание, передала небольшой бумажный пакет.

Пять минут назад я была убеждена, что после всего увиденного, услышанного и пережитого удивить нас чем-либо уже практически невозможно. И в очередной раз ошиблась.

– От кого?

– Не знаю. Пришел мужчина, рассказал, как вы выглядите и в какое время придете. Я хотела передать сразу, но немного задержалась.

– А как он выглядел?

– Удивительно, но никак не могу вспомнить. – Девушка в замешательстве провела ладонью по лбу. – Будто ластиком стерли. Но это точно вам, – еще раз повторила она.

Мы развернули пакет. В нем находились фаюмский портрет, завернутый в белую тонкую льняную ткань, и кожаный футляр с выбитой на крышке печатью в виде двух перекрещивающихся треугольников. На внутренней стороне крышки на голубом фоне была изображена Богиня Нут в окружении звезд. Сверху одобрительно смотрела она на крылатого Сфинкса, держащего в лапах великолепно выполненную, напечатанную на плотной мелованной бумаге колоду карт.

Часть 2. Остров

Глава 1

Слон был огромный и абсолютно белый – словно вылепленный из бисквитного фарфора. Вот уже три месяца подряд он приходил ровно два раза в неделю и замирал в пенистой зависти на фоне голубовато-синего неба. Освещенный бледной, зависшей над смутным очертанием холмов, идеально круглой луной, слон пристально смотрел мне в глаза, пытаясь, казалось, сообщить нечто для него крайне важное. В эту ночь, убедившись в том, что выбранный им телепатический способ связи не работает, он решил действовать по-иному. Упрямый исполин кивнул величественной головой, повернулся и медленно двинулся в сторону видневшихся неподалеку джунглей. Расценив действие как галантное приглашение на прогулку, я последовала за ним.

Перед густым зеленым массивом мой странный четвероногий гид остановился, согнул передние, больше смахивающие на античные колонны, ноги, опустил голову и свернул свой длинный гибкий нос в кольцо, вполне пригодное для сидения. К этому моменту я уже лучше понимала Моего Слона (другого имени пока не нашлось) и удобно устроилась на импровизированном троне. Слон, аккуратно придерживая концом хобота за талию, возложил меня на свою широкую, размером с небольшую лоджию, спину и неторопливо поднялся. В реальной жизни я умерла бы от страха, но во сне все происходило чудо как естественно. Смысл маневра стал вскоре понятен: светлый гигант на удивление легко и быстро передвигался в густых зарослях; я же ликовала наверху, крепко держась за складки жесткой кожи, будто за ручку.

Вскоре лес заметно поредел, деревья сменил мелкий кустарник, над головой замерцали звезды. Мы выехали на поляну. Далее путь пролегал вдоль высокой каменной ограды и, наконец, привел к гостеприимно распахнутым воротам. Я едва успела разглядеть деревянный резной дом с забавной крышей, напоминавшей остроконечную шляпу с полями, когда в ослепительно яркой вспышке видение исчезло. Уже просыпаясь, но блуждая еще между сном и явью, услышала: «Ты можешь помочь. Мы ждем на острове».

Два последующих дня меня буквально преследовали умные глаза хозяина джунглей, в которых читались мольба, отчаяние и надежда.

Килтон Стюарт называл сны «нераспечатанными письмами Бога». Присланное же мне письмо не только распечатали, но и прочитали вслух. Кому-то было необходимо, чтобы послание непременно дошло до адресата. Дошло как в прямом, так и в переносном смысле. В тот же день утром я позвонила Ксении. Вот уже больше десяти лет мы вместе «паломничали» по свету, выбирая нетрадиционные маршруты, и пытались по мере сил понять, о чем думают, чем дышат соотечественники нашей маленькой планеты, чего опасаются, во что и в кого верят. Старались, как могли, впитать и вместить в себя всю невероятную эклектику «дома, в котором живем». С каждым новым флажком, приколотым на нашу личную карту странствий, росло и зрело подозрение, что дороги, как и судьбу, выбираем не мы. Дороги сами выбирают нас. Теперь подозрение созрело и выкристаллизовалось в непоколебимую убежденность. Оставалось совсем немного: не ошибиться с направлением. То, что поездка состоится, даже не обсуждалось. Но куда? Наличие слонов, к счастью, сильно сужало поиски. Неизвестное место? Сомнительно. Что-то должно связывать нас с этим островом. Вывод напрашивался сам собой – Шри-Ланка. Но почему просто остров, без названия? Я еще колебалась, но Ксения была настроена решительно и как всегда взяла бразды правления в свои руки.

Буквально через день меня проинформировали, что авиабилеты уже куплены и номер в известном нам отеле в Коломбо забронирован.

– Придется сделать две небольшие пересадки, но нам не привыкать.

Это точно. Все последующие дни до отъезда я засыпала и просыпалась под напряженным взглядом Слона. Похоже, он опасался, что мы передумаем. Но волновался мой загадочный ночной гость напрасно: путешествие, да еще инициированное подобным образом...

Остановить нас могло только нечто экстраординарное. «Исключительно смерть», – глупо шутила я, не догадываясь, что дамочка эта подошла довольно близко.

Глава 2

Странности начались уже в Москве: везший нас таксист что-то перепутал и поехал в другой аэропорт. Выправила ситуацию бдительная Ксения, заметив, что мы едем не туда. Несчастный, расстроенный до слез шофер нервно вытирал пот со лба и повторял:

– Ничего не понимаю. Двадцать лет за рулем.

Ни одной жалобы.

Некто, сочувствующий нам – или Слону – наверху, обеспечил «зеленую улицу». Таксист, изо всех сил стараясь реабилитироваться, продемонстрировал и вправду блестящее знание города; и вот мы уже протягивали паспорта симпатичной девушке за стойкой регистрации. И вновь услышали пугающе знакомое:

– Ничего не понимаю. Ваших билетов нет.

– Что значит, нет?! – вспыхнула Ксения. – Мы уже зарегистрированы. Нам только багаж сдать.

И моя предусмотрительная подруга достала заранее распечатанные билеты. Девушка предприняла еще одну неудачную попытку найти наши имена в списке пассажиров и помахала кому-то рукой с просьбой о помощи. Мужчина в форме служащего аэропорта, стоявший в глубине зала, за стойками, подошел и указал ей что-то на мониторе. Улыбка, смешанная с растерянностью, вернулась на ее милое лицо. И вновь:

– Ничего не понимаю.

Освободившись от багажа и получив свои законные посадочные талоны, мы поспешили к кабинкам паспортного контроля.

– Как же этот мужчина похож на...

– Тебе тоже так показалось? – перебила я Ксению и остановилась. Невысокий рост, смуглая кожа, узкое лицо, полускрытые козырьком форменной фуражки большие карие глаза. Пришла наша очередь произнести слова, угрожающие стать девизом поездки: – Ничего не понимаем.

Глава 3

Два перелета и обе пересадки прошли без осложнений: погода радовала доброжелательным постоянством, природных катаклизмов в виде буранов, ураганов, снегопадов и прочей «нелетной погоды» удалось избежать; самолеты прилетали по расписанию и в положенное время улетали; бортпроводницы приветливо улыбались; паспорта не исчезали из наших сумочек; компьютеры любезно подтверждали подлинность посадочных талонов и больше не пытались продемонстрировать увеличивающуюся с каждым годом власть над человеческим бытием. Изрядно потрепанные и усталые после почти суток, проведенных в дороге, мы вышли на финишную прямую: через несколько часов авиалайнер должен был приземлиться в Коломбо. Нас жда ли прекрасный номер в знакомом отеле, вкусный ужин и удобная постель – все, что необходимо для восстановления сил перед... неизвестностью.

Лайнер оказался на удивление камерным – всего два места в ряду – что само по себе было необычно для авиалиний этого региона.

Публика в салоне поразила еще больше: казалось, по недоразумению мы попали на специальный рейс для членов международной конференции, симпозиума, конгресса или расширенной встречи университетской профессуры. Причем планка отбора участников была достаточно высокой.

Дамы в великолепно сшитых панджаби и изысканных сари. Безукоризненный макияж, тщательно уложенные в затейливые прически бесподобные волосы. Мужчины в национальных светлых одеждах и европейских костюмах из легкой ткани. Четверо вальяжных неулыбчивых буддийских лам из Непала. Умные, интеллигентные лица.

Мы чувствовали себя золушками, прибывшими на королевский бал уже после того, как часы пробили полночь. Отнеслись к нам подчеркнуто внимательно, дружелюбно, но вежливо и ненавязчиво. Пожалуй, это был один из самых приятных перелетов в нашей богатой путешествиями жизни.

По расписанию самолет прибывал на Шри-Ланку около десяти часов утра, но и в одиннадцать никаких признаков скорой посадки не наблюдалось – любезные стюардессы продолжали разносить напитки, спинки кресел оставались опущенными, табло рав нодушно молчали и не просили, как обычно, пристегнуть ремни безопасности. Появилось ощущение, что самолет уже некоторое время движется по кругу. Еще через полчаса по салону прокатилась волна беспокойства, разговоры стали менее оживленными, а затем и окончательно смолкли. Напряжение стремительно приближалось к своему апогею, когда в салон вошел молодой, приятной наружности мужчина в эффектной форме пилота: командир корабля решил лично проинформировать и успокоить пассажиров. Шри-Ланка, объяснил он, по невыясненной пока причине не дает разрешение на посадку. В связи с этим аэропорт острова согласился принять наш рейс, и вскоре мы прибываем. Экипаж благодарит за понимание и уверяет, что самолет в полном порядке. С этими словами замечательный командир удалился, одарив всех присутствующих обаятельнейшей улыбкой.

Мы переглянулись: «Ничего не понимаем».

Во-первых, до этого момента мы считали, что Шри-Ланка – бывший Цейлон – и есть остров, но и сомневаться в профессионализме командира не было никаких оснований. Во-вторых, изумила разительная перемена в настроении пассажиров: вместо раздражения, недовольства или хотя бы мало-мальской досады салон буквально затопило радостное возбуждение. Одна из дам, не в силах сдержать эмоции, захлопала в ладоши и почти пропела что-то вроде: «Какая удача. С детства мечтаю побывать на острове». Два сидящих напротив элегантных джентльмена с благородной сединой в волосах и глазами, напоминая ми черный агат, заметили наше недоумение и вызвались прояснить ситуацию, что породило оживление больше

прежнего. Единственный среди женского экипажа – не считая пилотов – стюард вкатил поднос с богатым набором крепких, умеренно крепких и безалкогольных напитков.

– Значит, есть что обмывать, – прошептала Ксения.

Все присутствующие, включая бортпроводниц, перебивая друг друга, вносили свою лепту в удивительное повествование, дополняя рассказ впечатляющими подробностями.

Нам предстояло узнать, что относительно недалеко от большого острова – так называют Шри-Ланку – находится еще один, по размеру существенно меньше первого. Доподлинно известно, что не всегда между ними перекачивались волны океана, но история «разрыва братьев» уходит в глубину веков и с течением времени обросла множеством мифов и легенд. На сегодняшний день официально эта территория входит в состав Республики Шри-Ланка, но фактически существует как независимое государство с признанным самоуправлением и законодательством. Как, когда и почему так сложилось, неизвестно – по крайней мере, не было известно нашим собеседникам. Отсюда и обособленное название – «Остров» или «Остров Слонов». По слухам там их великое множество, и в жизни Острова эти великолепные животные занимают особое положение. Правит Островом король – опять же, неофициально, «должность» переходит от отца к старшему сыну. По непроверенным данным, мудрость и справедливость монарха прекрасно уживаются с искренней заботой о подданных, неподдельной скромностью, открытостью и – трудно поверить – бескорытием. Жители Острова его обожают и свято верят, что столь редкие для правителя качества передаются по наследству вместе с тронном и остаются неизменными уже много веков. Высокий уровень духовности, разумное правление и строгая изоляция – те «три кита», на которых построено благополучие юридически несуществующего островного королевства.

На самом деле, изоляция не такая строгая: подданные короля пользуются полной свободой передвижения и правом покинуть Остров и возвращаться в любое время, без ограничений.

Услышанное больше походило на коллективный розыгрыш и вымысел, чем на реальность. Вопросов возникало куда больше, чем ответов. Кроме того, мы все еще не могли уяснить причину безграничного восторга пассажиров.

– Это самое главное, – с энтузиазмом вмешалась темпераментная дама, хлопавшая в ладоши.

Оказалось, что получить разрешение на посещение Малого Острова крайне сложно даже для граждан Шри-Ланки и почти невозможно для иностранцев, большинство из которых наверняка и не подозревает о существовании «младшего брата». Осведомленных же отпугивает «золотой занавес», созданный намеренно, чтобы оградить этот чудесный – а в этом все были единодушны – уголок земли от наплыва жутких,

шумных, празднующихся туристов. Речь идет о приличной сумме, которую необходимо заплатить за каждый день пребывания в «раю». Да и это не все. Требуется предъявить также приглашение в письменном виде от жителя Острова, который берет на себя всю ответственность за последствия пребывания гостя на его территории. Короче, приглашение от короля или членов его семьи, от буддийской общины или лам-настоятелей монастырей («Говорят монастыри там прекрасны... Ах!..») – вот, пожалуй, и весь небогатый перечень ключей, способных открыть заветную дверцу.

Мы слушали, затаив дыхание. Нет ничего удивительного в том, что неожиданная возможность посетить загадочный, окутанный пеленой таинственности остров вызвала такой ажиотаж. Окончательно слиться со всеобщем ликованием мешала изрядная порция дегтя в этой бочке меда: мои сны, подозрительная ошибка таксиста, «забывчивость» компьютера в аэропорту, служащий, разительно похожий на... Необъяснимая потеря связи со Шри-Ланкой. Отмахнуться от мысли о звеньях одной цепи было, по меньшей мере, неразумно. «Будьте предельно осторожны», – на долю секунды вспыхнули экраны телевизоров перед нашими сиденьями. Не успев прийти в себя, мы получили новую шокирующую информацию.

– Как удачно получилось, что перед самым вылетом нам заменили борт, – добавила молоденькая голубоглазая стюардесса, – иначе пришлось бы сейчас искать другой выход. Аэропорт Острова не рассчитан на крупные лайнеры. Они принимают лишь небольшие самолеты.

– А почему заменили? – Я старалась говорить спокойно.

– Народу мало, – коротко ответила девушка.

В этот момент уже знакомый приятный голос командира объявил о готовности к снижению. Все прильнули к окнам.

Глава 4

С такой высоты остров походил на большое пятно темно-зеленой краски, пролитой небесным маляром на гладкую поверхность воды. Прямая, как стрела, словно прорубленная в зарослях просека, посадочная полоса появилась внезапно. Несильный удар от соприкосновения колес с землей, в салоне эмоционально заряженная тишина. Чутьочку терпения, и мы, поблагодарив экипаж, спускаемся по трапу.

– Прощаемся ненадолго, – уверенно заявил один из пилотов, – надеюсь, к завтрашнему дню связь восстановят.

Дождавшись пока все пассажиры покинут борт, встречающий нас представительного вида темнокожий мужчина с неожиданно светлыми глазами, произнес на безупречном английском несколько приветственных фраз и, вежливо попросив следовать за ним, неспешно направился через летное поле к одному из трех одноэтажных застекленных зданий.

Не задерживаясь у пустующих кабинок паспортного контроля и магазинчиков с сувенирами, мы покинули здание аэропорта и сели в пестрый, расписанный цветами и птицами автобус.

– Вас разместят в гостинице, – сообщил наш немногословный сопровождающий. – Обед принесут в номера и туда же доставят багаж. Отдохните с дороги.

Вечером ужин в ресторане.

Дорога шла через неплотный лес, монотонную зелень которого то тут, то там разбавляли сочные краски цветущих деревьев. Искрящиеся в лучах полуденного тропического солнца жизнерадостные ручейки каскадами сбегали с невысоких холмов и растекались внизу бледно-аквамариновыми озерцами, где спасались от зноя многоцветные фламинго и розовые пеликаны. Издалека в просветах между деревьями казалось, что в лесу расстелены пестрые коврики. Над всем этим пропитанным светом великолепием – прозрачно-голубой купол неба с легкими мазками облаков. И слоны. На протяжении всего недолгого, к сожалению, пути автобус сопровождали слоны, что позабавило нас и не на шутку озадачило гида.

– Странно. Животные не любят появляться вблизи аэропорта. Слоны в том числе. – Он на секунду задумался и добавил совсем тихо: – Только в особых случаях.

Ответа на вопрос, что же это за особые случаи, мы не услышали. Убедившись в благополучном прибытии автобуса, необычный эскорт удалился так же незаметно и организованно, как появился.

Отель представлял собой несколько десятков бунга ло, разбросанных среди огороженной части джунглей. Над дверьми, вместо банально-скучных порядковых номеров, были прибиты забавные цветные картинки с «портретами» представителей богатейшей местной флоры и фауны. Причем каждый «герой», похоже, лично руководил оформлением интерьера и фасада. Нас подсадили к «Орлу». От каждого домика, выложенные плитками с теми же изображениями дорожки, вели к круглому сооружению, напоминающему большой шатер в обрамлении лиловых и белоснежных бугенвиллий.

Вечером, отдохнувшие и сменившие походную экипировку на более подходящую для званого ужина одежду, мы с Ксенией вошли в зал ресторана и попали... на королевский прием. Впрочем, чопорных послов дружественных и не очень держав с женами, ревниво оглядывающими вечерние туалеты и драгоценности друг друга, мы не заметили. Не щелкали и камеры аккредитованных корреспондентов, репортеров и разного рода «приближенных лиц». Не скользили даже вышколенные тени-официанты с подносами. Единственное обязательное лицо на королевском приеме, по моему разумению – король. А вот король, пусть и не признанный официально, как раз и присутствовал.

Стройный, высокий мужчина, одетый в длинную, до колен, свободного покроя белую рубашку с красно-синим орнаментом – в Индии подобные рубашки называются курта – и светлые легкие брюки, он с обворожительной улыбкой на загорелом лице лично приветствовал каждого из входящих. Оценить возраст этого человека я бы не решилась: множество светлых нитей в волнистых темных волосах сдержанно намекали, что большая часть жизни, скорее всего, осталась позади, но молодое, без малейших признаков увядания, лицо этот факт решительно отрицало. Внимательные, умные темно-ореховые глаза зрелого человека под густыми ресницами вдруг принимали настолько озорное и лукавое, мальчишеское выражение, что окончательно сбивали с толку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.